

БОРИС БЕРЛИН

МОЯ СОБСТВЕННАЯ ВЕЧНОСТЬ

повесть

РАЙСКИЕ ЯБЛОЧКИ

– Ну, давай попробуем ещё раз. Скажи, что ты знаешь о райских яблочках?

– Я точно не знаю. Но мне кажется, у них обязательно ямочки на щеках.

– Хм... А – грех? Что тебе известно о грехе?

Она поворачивает ко мне свою солнечную головку, и я забываю, о чём спрашивал. Поразительно. Оказывается, есть что-то, способное меня поразить. Хотя, конечно – безделица, прихоть...

– Грех, это когда – щекотно.

– Щекотно... Господи, это почему же?

– Не знаю. Я мало что знаю точно. Но, мне кажется, если грех – то обязательно щекотно.

– Ты, наверное, спутала грех и смех?

– Может быть. Я всё ещё плутаю и путаю. Тогда скажи ты – что такое грех?

Я задумываюсь. Я не знаю, как объяснить ей – светлой, что такое – грех.

– Понимаешь... Ты чуть-чуть права. Может быть и щекотно и смешно – вначале. Но потом... Если слишком долго щекотать, да и смеяться тоже – обязательно придут слёзы. Грех – это слёзы после... Вот как.

– Ага. Но я так люблю щекотаться, что потом могу и поплакать.

И она отворачивается от меня – ей уже неинтересно. Отворачивается и засыпает. А я сижу рядом – хмурый и скучный Бог, не умеющий объяснить, что же такое – грех. Она любит щекотаться... Надо же, она – любит. Завтра непременно спрошу, что такое – любовь, уж тут-то я...

Она спит, а я смотрю на неё. Я смотрю на неё так... Хотя, конечно, я же говорю – безделица, пустяк, прихоть. Впрочем, ведь именно для этого она и была задумана. И я – улыбаюсь. Потому, что завтра будет новый день и новые слова. И я уж постараюсь объяснить ей, что такое – любовь. Или – она мне. Такое тоже возможно, да...

ХОРОШО ПОТОМ

Я спрашиваю себя до сих пор – зачем я её придумал – тогда – в первый раз? И все ответы мне подходят. Но самый любимый ответ – игрушка. Она просто моя игрушка. Страсть к игрушкам – самая сильная страсть, единственная страсть, доступная и ребёнку и Богу. В ту секунду, когда ребёнок забрасывает свои любимые игрушки – первые игрушки – под пыльный шкаф, он перестаёт быть Богом. Он найдёт другие – бесспорно. Но потеряет божественное в себе – необратимо. Моя единственная страсть всегда у меня под рукой. Но как удержать её и остаться – Богом?

– Скажи, а здесь есть ещё такие, как я?

– Таких, как ты – нет. Просто нет. По определению.

– Уф-ф-ф... Какой ты... Бубукалка.

– Кто? Я – кто?

– Бубукалка.

– Что-то я не припомню такого слова.

– А я сама его придумала. Только что.

– Нет, ты не можешь ничего придумывать. Ты можешь только повторять то, что я в тебя вложил. И вкладываю. И буду вкладывать ещё очень-очень долго.

– Но я... Когда я тебя слушаю... Когда ты со мной говоришь... Когда мы учим слова и смыслы... Одновременно я слышу, как бормочет ветер. Как тренькают птицы. Как шелестят бабочки. Всё это проникает в меня против моей воли. И я становлюсь, ну-у-у... разноцветней, что ли, чем ты меня видишь. Мне кажется даже, что я могла бы тебя – удивить...

– Это – невозможно. Бога невозможно удивить. Аксиома.

– Аксиом не существует.

– Вот как? А вечность? Может быть, ты и в вечность не веришь?

– Вечность – она внутри. Это единственное, что существует на самом деле. Всё остальное – раскраски.

– Какие ещё раскраски?

– Неважно, потом объясню.

– Ты – мне. Объяснишь...

– Ну, да. Сначала ты, а потом – я. Просто, мне иногда не хватает слов. А цвикает у меня внутри гораздо сильнее, чем у тебя. Вот про это я и объясню. Но потом.

– Цвикает?

– Ну, да. Или ёкает. Я не знаю, как правильно сказать то, что иногда возникает у меня внутри – когда я вижу цветок или бабочку, или твою улыбку, например. Представь себе – во мне, где-то очень глубоко, делается сначала ярко-ярко, потом звонко-переливчато, а потом так хорошо – что глаза щиплет. Но одного-единственного слова для всего этого я найти не могу. И ещё, я знаю абсолютно точно, что ты такого никогда не испытывал. Но это ничего, это не страшно, я тебя научу.

– Зачем?

– Так ведь хорошо потом! Только не спорь, пожалуйста – я очень хочу тебя научить.

– Научить меня ёкать?

– Ага. Или цвикать. Но это потом, потом. А теперь, давай заниматься. О чём мы сегодня будем разговаривать? И, кстати, ты для всего вокруг и для всего внутри придумал названия. А я? Как называюсь я?

– Сегодня мы будем говорить о любви. А имя... имя ты можешь придумать себе сама.

– Прямо сейчас?

– Да.

– Тогда... Тогда... Называй меня – Ева.

– Почему Ева?

– Не знаю, так мне захотелось.

– Но ты же знаешь – у всего сущего есть смысл. Слова, которыми мы называем разные ветви сущего – они неслучайны, более того, они – священны, ибо несут в себе самую суть вещей. Сочетания гласных и согласных, если они правильно подобраны, будят внутри тебя музыку. И ты...

– И я... танцую... Ой, прости, – и она закусывает пухлую губку, и лицо у неё почти виноватое.

Я строго смотрю на неё. Так строго, как только могу. Только вот в чём дело – я совсем не могу на неё строго смотреть.

– Ой, прости. Ну, правда, прости. Я больше не буду тебя перебивать. Я знаю, что нельзя. И потом, я понятия не имею, что это такое – танцевать.

– Так вот... – повторяю я после паузы – чтобы наказать. – Это будит в тебе музыку, и ты понимаешь – сначала себя, а потом уже и мир вокруг. А имя, которое ты себе придумала – Ева, оно мне нравится... Но какой в нём смысл, суть, музыка?

– Ну, неужели ты не слышишь? Повторяй за мной. – Она подходит почти вплотную и кладёт руки мне на плечи. И смотрит в глаза.

Я каменею.

Её лицо близко, так близко, что я вижу смешинки в её зелёных глазах. Мне смутно и ненадёжно, прежде всего, оттого, что я понимаю – нечто неуловимое проходит мимо меня. Или сквозь. Что-то, чему я ещё не придумал названия. И не хочу придумывать. Может быть, она мне объяснит – Ева. Потом.

Наверное, поэтому – я улыбаюсь.

– Повторяй за мной: Е-е-е-е, – поёт она, улыбаясь. Губы сначала разъезжаются, а потом вишнево округляются и, раскрываясь, выталкивают глубокое грудное, – ввв-а-а-а-а...

– Теперь ты понял?

Она торжествует, подпрыгивает и вдруг прижимается ко мне – на секунду. Мне-то – ничего, совсем ничего – в самом деле, а её щеки сначала розовеют, а потом начинают полыхать маками.

И я рад. Пусть только за неё, но – рад. Надо же, какая она у меня получилась. Радостная – да. Ева.

Пусть будет – Ева. И она – моя.

ТАК ЧТО ТАМ – ПРО ЛЮБОВЬ

Потом она говорит мне будничным голосом:

– Ну и что там – про любовь?

Я говорю – долго.

Я умею быть убедительным.

Я знаю силу своего голоса.

И в ответ на это на всё, Ева – никуда не денешься, буду звать её так – Ева, пожимает плечами и заявляет:

– Всё то, что ты сказал, в точности похоже на моё цвиканье-ёканье. И зачем так долго объяснять, когда вот – смотри...

Снова она слишком близко подходит ко мне, так близко, что видна крохотная родинка под левой грудью. Почему-то, именно вид этой родинки, меня особенно умиляет. Я вспоминаю, как только Ева появилась на свет, мне тут же стало понятно, что я создал – совершенство. Это было – вдохновение, потому-то она и получилась живой, не такой, как всё, что я создал до неё – раньше.

Но совершенство так хрупко... И я сказал себе – пусть будет крохотная пометка на белом листе бумаги, так, на всякий случай – и тут же появилась эта самая родинка. Но... Вот, странное дело – с ней Ева стала ещё прекрасней. Н-да... Это была её первая победа надо мной – через секунду после рождения.

А потом – она заговорила.

Не сама, конечно, не сама, это я вкладывал в неё слова – те, которые начал слышать с недавнего времени. С недавнего времени – глядя на неё.

Так закончилось безмолвие, и пришла – музыка.

И ещё эта фраза, звучащая всегда по-разному: «Вначале было слово».

Через Еву зазвучала вечность. И я знаю, что это лишь начало.

Вот и сейчас, она подошла слишком близко ко мне, чтобы объяснить, что такое – любовь.

Когда её губы коснулись моих, я – удивился и всё. Хотя...

– Ну, теперь ты понял?

Она отодвигается, отстраняется на мгновение от моих губ, смотрит на меня сначала радостно, а потом грустно.

– Неужели ты ничего не почувствовал? Вот здесь...

Ева кладёт правую руку себе на живот – в самом низу её живота перламутровая лодочка-ладошка.

– И вот здесь, – она проводит пальчиком вокруг соска. – И ещё... Что со мной? У меня в голове... Я слышу так много... Всё поет. И слова и ветер, и бабочки. Неужели только от одного поцелуя? А если – повторить?

Я беру её за руку и усаживаю рядом с собой.

– Ева, успокойся, девочка...

Она кивает – послушная.

Мы сидим рядом – прекрасные, голые, счастливые. Я слышу, как бьётся её сердце на расстоянии ладони. Гляжу в изумрудно-зелёные глаза.

И понимаю, что, наконец-то, создал свою собственную вечность, которая пробует создавать – меня...

ПРО СЕДЬМОЕ ЧУВСТВО

– Давай поговорим о чём-нибудь странном. О необычном. Я так люблю необычное. Расскажи мне что-нибудь, а?

– Спрашивай.

– Ну вот, например... Расскажи мне про моё тело.

– А что тут рассказывать? Единственная действительно важная его часть – это мозг. Недаром я создал его в форме ореха. Орехи, между прочим, обладают удивительными свойствами.

– Нет, про мозг я не хочу. И про орехи – тоже.

– Так... А про что ты хочешь?

– У меня – и внутри, и снаружи, есть много всего такого, что мне ужасно нравится и доставляет огромное удовольствие – она даже зажимуривается – и спасибо тебе, что ты создал меня именно такой.

– Хм...

– Ну, да. Только одно странно. Вернее – два. Два глаза. Иногда мне кажется, что это просто отверстия,

направленные вовнутрь. Чтобы ты смотрел и знал, что происходит в моём ореховом мозгу. А иногда я думаю, что в глазах уже уместилось – всё. То есть, абсолютно всё. И я видела это – раньше. Надо только набраться терпения и рассмотреть. Или вспомнить.

– Про глаза – это легко. Есть шесть органов чувств. Вернее – пять, но самих чувств – шесть...

И я рассказываю про органы чувств, надеюсь, не слишком занудно, потому что Ева серьёзна, сидит, подперев кулачком румяную щёку, когда же речь доходит до шестого чувства – до тайного знания – слушает, открыв рот.

И вдруг заявляет:

– Но ты забыл про седьмое чувство.

– Я не забыл. Его просто нет...

– Есть. Ещё как есть.

– И что же это такое:

– Сейчас покажу – смотри.

Она подбирает с земли прут, обламывает его и изо всей силы вонзает обломанный конец в свою розовую ладонь.

Я бросаюсь к ней, выдёргиваю чёртов прут, вытираю кровь, а она всё течет и течет, я прижимаю к ранке губами и сосу солоноватую влагу.

...Кровь, наконец, остановлена. Ева, притихшая, сидит у меня на коленях, прижимает к ране лист подорожника и испуганно молчит.

Я говорю:

– Ты как-то спрашивала, что такое – грех? Вот тебе пример: это грех – причинять себе боль. Грех – портить красоту. Это грех вдвойне, ещё и оттого, что не ты эту красоту создала.

Она поднимает лицо и смотрит кротко-кротко.

– Прости, я только хотела показать тебе седьмое чувство.

– Да? Тогда – объясни, я ничего такого не заметил...

– Ага, – она усаживается поудобнее, уже меня не боится. Да она никогда меня не боялась – это последняя промелькнувшая здравая мысль, а после – её сбивчивый рассказ, её смешки, её всхлипы. И её тяжесть на моих коленях. И мне показалось...

– Ты так на меня смотришь, будто и вправду согласен со всем, что я тебе тут наговорила. – И она хохочет, откидывая голову назад и снова перед моими глазами её грудь, и крохотная родинка... с чего же всё это началось? Когда она спросила про глаза? Раньше?

А Ева теребит меня и требует возражений.

Ну что же...

– Хорошо. Только слезь с колен и сядь рядом.

– Но – почему? Мне так хорошо.

Она видит что-то в моих глазах, что-то, в чём я сам не отдаю себе отчёта. Она запоминает это и довольно улыбается, про себя, тихо-тихо, прежде чем усесться, как и приказано, рядом.

– Итак – седьмое чувство. Ты утверждаешь...

Дальше я молчу, потому, что ничего не помню.

Ева вздыхает.

– Значит, я была права, когда мне показалось, что ты не слушаешь. Ну, как же так? Ладно, повторяю в последний раз:

– Седьмое чувство – это самое главное чувство, как талант. Это умение чувствовать за другого, вместо него – понимаешь? И чем больше другой тебе принадлежит, чем он дороже тебе, тем сильнее и ярче твои ощущения. Когда эта бестолковая деревяшка проткнула мне руку, я не почувствовала ничего. Потому, что в тот момент сильно думала о тебе. Я поняла, что тебе, в самом деле, больно, оттого, **что** ты видишь и это ощущение заслонило мою собственную боль.

Когда ты выдернул острый конец из моей плоти, я тоже ничего не чувствовала, кроме того, что ты готов выпить мою боль – вот, как выпил сочащуюся кровь. И мне стало необыкновенно хорошо. Ты смог испытать что-то моё. Ты взял мою боль – себе. Ты обладаешь способностью к седьмому чувству. Именно поэтому мне с тобой так...

– Как?

– ...Защищённо.

– Выдумщица. Я не знаю боли. Я не знаю страха. И сейчас очень жалею, что наделил тебя способ-

ностью чувствовать всё это. Все эти импульсы, синапсы, нервные окончания... Хотел, как интересней, как лучше. Впрочем, никогда не поздно изменить...

– Нет, миленький, нет, пожалуйста – нет.

– Как странно ты меня называешь. Как странно – всё...

АДАМ

А потом мне пришлось создать Адама.

Я почувствовал, что моя любимая игрушка – заскучала. А мне очень хотелось её побаловать.

– Хочешь, поговорим?

– Нет.

– А что ты хочешь?

– Ничего. У меня всё есть.

Она сидит у моих ног – в цветах – и смотрит на меня снизу вверх.

– Но ты ни разу не засмеялась сегодня.

– И правда. Но я не знаю – почему.

– Тебе скучно. Иди, прогуляйся.

– Я не хочу. Я хочу только с тобой.

– Но я занят.

– Пусть. Я буду здесь, рядом, вдруг – понадобится. Тогда тебе надо будет только протянуть руку и взять.

– Взять...

– Ну, я имею в виду, что мне просто хорошо рядом с тобой и всё.

– А если я... раздвоюсь?

– Что значит «раздвоюсь»?

– Представь, вот если бы у тебя всё время был ещё один – я? Свободный и занятый. Пока другой – занятой и скучный – думает и ворчит...

– Но так не бывает.

– Бывает – всё. Надо только...

Так появился Адам.

В то утро мы пришли к Еве вдвоём – он и я. Она кинулась сначала ко мне, потом – к нему, снова ко мне. Растерялась. Погасла.

А мы с ним улыбались одинаковыми улыбками и молчали. Я – потому что хотел понаблюдать, Адам – ему пока просто нечего было сказать...

Ева заплакала.

– Послушай, он – это я, – объясняю я. – Абсолютное, полное внешнее сходство. Спящий, пока что, ореховый мозг. Плюс – чувствительные нервные окончания. Конечно, не такие чувствительные, как у тебя, но... Ты сможешь научить его цвикать и ёкать. Научить мудрости и боли, нежности и отваге.

Его зовут Адам. Вслушайся в его имя. Он открыт, доверчив и нуждается в тебе. Ты сделаешь из него свою вторую половину.

Я ухожу, оставляя их вдвоём. И вдруг, неожиданно для самого себя, оборачиваюсь и:

– Но обещай не покидать меня, слышишь?

...Было весьма поучительно наблюдать за превращением адама – в Адама. За тем, что может сделать с мужчиной один благосклонный женский взгляд. А женский голос... Ну и все остальные органы чувств...

Ещё интересней были превращения Евы. Ну да, я подглядывал. Я узнавал Еву – другой. В конце концов, она всего лишь – моя игрушка. Моя любимая игрушка...

Мы встречались каждый вечер, как обычная семья. Адам сначала молчал, потом стал потихоньку втягиваться в разговор, но с ним было неинтересно. Главное – он смотрел на Еву с обожанием, а её глаза сияли от счастья.

Наверное, я был за неё рад.

А ПОТОМ – СВЕТ

Всё, что было потом – известная всем история. История, перевернувшая мир.

И, конечно, райские яблоки здесь ни при чём.

Просто, один раз Ева пришла ко мне и сказала:

– Я придумала новое слово.

– Здравствуй, птенчик. Какое слово – Расскажи мне.

– Не будь так ласков со мной – мне больно.

– Прости.

– А слово простое – «уста»

– И что такое – уста?

– Уста – это губы, рот, то, что можно целовать.

– Как же ты его придумала?

– Очень просто, гляди. Есть слово «устал» – так? Когда ты устал, из тебя будто вся жизнь вышла.

Ты падаешь в траву, смотришь на звёзды и просишь – дайте мне радости.

– Радости? Может быть, правильнее – силы?

– Нет, именно радости, ведь это от неё появляется сила, а не наоборот. Это всё равно, что от Евы появился Адам, понимаешь?

– Понимаю, так. Ну, а дальше?

– Ну вот... И тогда... Просто, вместо того, чтобы валяться в траве и просить радости, я придумала – другое.

– И что же это за другое?

– Это... Это... сначала надо найти, подойти к тому, кого ты любишь... или... надеешься, что любишь. Подойти близко, очень-очень близко. Найти его губы и прижаться к ним своими губами, чтобы пожаловаться друг другу – я так УСТАЛ без тебя.

Передать свою тоску – из уст в уста – чтобы получился долгий-долгий поцелуй.

И тогда...

Тогда радость начнет заполнять тебя – медленно и всё время, пока не переполнит и не перельётся через край, из устья – в устье. А потом... Потом – свет.

– А потом – свет... – повторяю я. И понимаю, что потерял её...

ДРУГОЕ ВОЛШЕБСТВО

Я попытался объяснить ей, что есть и другое волшебство.

Что уста, устья и свет, они – везде, если есть то, чему так трудно придумать название.

– Помнишь, ты спросила, что это такое – «танцевать»?

– Да. Это слово... Мы никогда о нём не говорили.

– Потому, что про танец невозможно говорить. Его нужно...

– Что?

– Его нужно – жить. Иди сюда.

... – Представь себе – жарко. Жар у тебя в крови. Вокруг бёдер у тебя – розовые лепестки, а во рту – обжигающий кусочек льда... А теперь скажи – ты слышишь? Ты слышишь – это?

– Я... слышу. Странная музыка, неровная. Нервная. Зовёт и отталкивает – одновременно. Что это?

– Это – танец. Назовём его... Назовём его – танго. Вслушайся в это слово: Та-а-а-н-го-о-о.

– Когда ты его произносишь, то будто скручиваешь меня в жгут, туго-туго. Прижимаешь к себе так сильно, что я перестаю дышать. А потом – отталкиваешь...

– Правильно, так и есть. Так и будет. Всегда.

Я беру её руку в свою. Другая опускается ей на талию. Чуть-чуть, самую капельку – ниже.

Остальное делает музыка. Мы лишь двигаемся ей в такт. Она льётся отовсюду, она накрывает нас волной – из уст в уста, из устья в устье. А – потом...

Ева сидит у меня на коленях, и дыхание её делается спокойней и тише. Она успокаивается, кладёт голову мне на плечо.

– Какое блаженство. Почему раньше ты никогда..? Я должна сейчас же научить Адама!

– Ева, ты... Тебе хорошо с ним?

– Конечно. Я же его люблю.

И – убегает.

А ЧТО ТАКОЕ – НАДЕЖДА

Я не хочу о том, как она ушла.

Хочу о том, как она – есть.

Потому что... Вот, представьте себе – живёт у вас птица. Долго живёт. Тренькает себе. Иногда, целые музыкальные фразы выводит, головку свою набок склоняет. Глазом круглым – любопытничает. А вы ей каждое утро в кормушку – зерна, воды в блюдце. И так вам хорошо вдвоём... Что когда настанет пора открыть клетку, внутри будто что-то взрывается и вы никогда уже – не прежний.

Я открыл клетку.

Ева ушла и увела за собой Адама.

И наступило – потом.

Логос, выращенный мной, давал семена, и вскоре сыновей и дочерей Евы было трудно сосчитать.

Фатум и есть фатум, но и я... словом, кое-что могу. Защищал – её и детей. И каждый раз, судьба её была прекрасной. Пусть иногда трагичной, но прекрасной – всегда.

Она жила и умирала, и рождалась вновь. Я же всегда был рядом, конечно, а как же иначе?

Ведь она не просто – была.

Она и сейчас есть – горюет и хохочет. И всегда помнит обо мне.

Рассказывает своим детям о Боге, пытается сделать этот мир лучше.

А когда становится совсем немощной – смотрит на небо и...

Вы так часто произносите это слово – надежда. Я-то не знаю, что это такое. Но если вам интересно – спросите у неё – у Евы. Она – сумеет объяснить.

Потому что...

ПОБЕЖДАЮТ СЧАСТЛИВЫЕ

О том, что у Адама появилась другая женщина, Эва узнала раньше него самого. Звериное чутьё. То, которым одна женщина может почуять другую. Через мужчину. Не видя, не зная, безо всяких, в общем-то, оснований.

А вот... Чуть более мягкий взгляд. Туфли, начищенные до невероятного блеска. Зарядка – не пять минут размахивания вялыми руками, а минут сорок – до остервенения.

В то утро, когда Эва увидела, что живот Адама стал таким же безукоризненно рельефным, как и в день их свадьбы, пятнадцать лет назад, она поняла, что пора действовать. И – совершенно нетрадиционными методами.

Неожиданности она обожала всегда. Преодолевая их, она становилась поразительной и неотразимой – какой любила себя больше всего. Ещё Эва любила получать удовольствие, даже тогда, когда любя другая хватается за голову и начинает делать одну глупость за другой.

– С добрым утром, милый...

– Привет, дорогая. Как спала? (В глаза не смотрит, голос прохладный).

– М-м-м... Прекрасно. – Эва подходит и обнимает мужа сзади. Она красива. Ещё чуть расслаблена. Ещё пахнет – постелью... Но ведь и таким изменяют тоже – ничего не поделаешь.

Впрочем – ничего не поделаешь – это не про неё – не про Эву...

– Мне снился такой сон...

– Вот как...

– Мне снился сон – про тебя...

– Да? И что? Что там было?

– Ты был такой... Такой...

– Какой?

Ложечка в чашке замедляет движение. Мужчина любит, когда про него – так...

– Ты просто сводил меня с ума. И ещё... Ты был... с женщиной.

Наверное, кофе попал не в то горло.

– Кх-м... С какой ещё женщиной?

Это уже почти признание. И Эва отдаётся своей интуиции, уже не раздумывая.

– Я её очень хорошо запомнила... Она – хороша. Молодая. Тонкая. Короткие тёмные волосы, глаза

в пол-лица. Не невинна, но многого не умела. И я её... учила. Кто ещё знает, как надо, чтобы ты – улестел...

– Так ты была там... Хм... С нами... Вот как... Ну и сны у тебя, знаешь ли... – он задумывается, пару секунд хмурится и, наконец, улыбается – уже ей!

Потом целует её – её – с чувством, первая победа – вот она! И уходит на работу.

...Если не предаваться отчаянию, можно сэкономить чертовски много времени – это она поняла уже давно, но на работу сегодня придётся опоздать. Между прочим, работа – любимая и очень даже важная часть её жизни. Она, вообще, ужасная собственница и за всем своим – семьёй, работой и небольшим, но таким уютным и надёжным домом, смотрит, как волчица за потомством. Подойдётся – загрызёт.

Но сегодня – придётся опоздать...

Нет, она не отправится в салон красоты или по магазинам – это ни к чему. Эва и без того ухожена и стильно одета. Стильно – значит, в своём, выбранном ею и присущем ей стиле. Она замечательно это умеет, ведь стиль – это главное всегда и сегодня тоже. А кроме того, надо просто сломать обычный ход вещей, выйти за пределы повседневности, заново почувствовать вкус жизни, её ток. Ощутить – счастье.

Ведь, если хочешь победить, у тебя должны быть необыкновенно счастливые глаза...

Утро ещё не кончилось. Эва заказывает чашечку кофе в знакомом кафе на набережной, вдыхает влажный, пахнущий скорой осенью, ветер, сидит, глядя по сторонам и ни на чём не останавливая взгляд. Она чуть улыбается – вовнутрь – сама себе и ждёт. Предчувствия не обманывали её ни разу. Она знает, что всё предопределено – это живёт в ней с детства, а может, ещё с прошлой жизни, даже не одной – сколько их там было...

Ветер забирается к ней в рукав, и это возвращает её к реальности. И – ничего, ничего, ничего. Не может быть, ведь зачем-то она сюда пришла. Эва пожимает плечами, и в этот момент из медленно проезжающего мимо автомобиля до неё доносятся звуки милонги. Почему-то именно это слово, почти незнакомое, было первым, пришедшим ей в голову – милонга. Она не успела даже удивиться. На заднем стекле надпись: «Латиноамериканские танцы – танго, милонга» и номер телефона. Что же, для того и существуют салфетки, чтобы записывать номера телефонов, не так ли? А ручка у неё всегда с собой. Ну, или тюбик губной помады...

Через несколько минут она набирает номер, и как-то слишком легко назначается время, да и адрес – здесь, поблизости, почти рядом. Сегодня, во второй половине дня – в четыре часа.

Танго – милонга...

МУЗЫКА

Это оказалось довольно большим светлым залом с паркетным полом и зеркальной стеной. Ещё там была небольшая гардеробная и крохотный буфет – чай, кофе, улыбки...

Под самым потолком, по периметру – большие фотографии танцующих пар, совершенно ей незнакомых. На паркете несколько пар в круг, в центре – мужчина и худенькая женщина с сильными ногами.

Эва вошла и все повернули к ней головы.

– Вы – Эва? – спросила женщина.

– Да. Я звонила. Я хотела бы здесь... учиться.

– Учиться? И чему бы вы хотели научиться? – мужчина делает несколько шагов и подходит близко, совсем близко.

– Всему. Танцевать...

Он совсем, ну совсем не в её вкусе, но, боже мой, как он на неё смотрит... Как он смеет так на неё смотреть. Так... по-хозяйски...

Потом её левая рука оказывается на его шее, правая, уже замирает в ожидании его руки, а его лицо вот оно – рядом. И она почему-то не в силах поднять глаза... Наконец – ну, сколько же можно ждать – он обнимает её за талию, нет, чуть-чуть, самую капельку ниже, отпускает и тут же обнимает снова. И медленно делает первый шаг... Она покоряется – так – впервые в жизни, сама того не желая, да её и не спрашивают, её – ведут, и какая разница – куда. Потому, что она чувствует – всем бутоном своего тела – его желание, его власть, его силу. Музыка наполняет её. Тан-го...

...Танец кончился. Когда она сумела поднять глаза и взглянуть ему в лицо... Музыки – не было. Она не затихла, нет, её просто не было. Они танцевали – в тишине. Женщина в центре смотрела на неё и улыбалась.

– Главное вы уже умеете – говорит он уже издали. – То, чему не научишь. То, чему нельзя научиться.

– Вы имеете в виду?..

– Конечно – любить. Но не только. Это не главное.

– Тогда – что же?

– Уметь быть любимой. Уметь – принадлежать. И, зная цену всему на свете, не думать о ней. Слышать музыку, которая – внутри. Вы – любимы, Эва. Более того, вы были любимы очень много раз. Всегда. Вы должны помнить.

– Да, я помню. – шепчет она едва слышно. – Я помню...

– И любили – тоже.

Она кивает.

Если бы ещё знать, что это слово обозначает, если бы уметь, как он...

Она слышит его голос. Она слышит его отовсюду. Кажется, он был и раньше, он был всегда, всегда, всегда – вечно.

И музыка не затихла, нет. Она звучит, ведь она вечна – тоже.

Тан-го...

ПОЗДНИЕ ВСТРЕЧИ

Когда дом даёт трещину – объяснения не нужны. Не до них. Надо быстро подставить плечо, чтобы не рухнула крыша и не погребла под собой то, что ещё, может быть, можно спасти – если можно. А объяснения... С ними можно и подождать.

Плечи у Эвы красивые – круглые, гладкие, чуть смуглые. До сих пор всё держалось на них. Но сегодня... Сегодня она опоздала к ужину. Опоздала первый раз за всю их совместную жизнь. Обычно ведь она его ждёт. Стол накрыт, она сидит, свернувшись в кресле, читает, иногда слушает музыку или просто смотрит в окно и напевает. Но вот – сегодня...

Эва ещё не успела вытащить ключи, дверь распахнулась.

– Где ты была? Почему так долго? Я жду, не знаю уже, что думать...

А что, собственно, волноваться? Ну задержалась, опоздала его когда-то любимая жена, так ведь и он – почти каждый вечер... Нет, спит он со своей... со своей девочкой раз, ну два в неделю, не чаще, но ведь и просто посидеть полчаса в кафе или погулять после работы в парке, у пруда. Она так любит смотреть на лебедей... Потом, правда, эти путанные объяснения, которые, в сущности, никому и не...

– Прости, я забыла предупредить. Слишком увлеклась...

– Чем? Чем увлеклась? Я же волнуюсь... Ну, где ты была?

– Танцевала. Я была на уроке.

– Каком уроке? Не понимаю...

– Я записалась в школу танцев. Здесь, недалеко. Танго и милонга. Сегодня был первый раз.

– Ты серьёзно? Но с какой стати? Я не помню, чтобы...

– Милый мой, вот именно! Я тоже не помнила, а потом – поняла, что всё это уже было, понимаешь? И не просто было, а – со мной...

– Но ведь можно было позвонить...

– Наверное. Наверное, да, можно. Но я – не позвонила... Прости, а?

– Хм... Как будто у меня есть выбор.

– Ты мой хороший. Выбор есть всегда, кроме тех случаев, когда его – нет. Пойдём в дом...

– ...И чему тебя там научили?

– Слышать музыку...

– Ты имеешь в виду ритм, шаги, да?

– Нет, не совсем... Вернее, совсем нет. Её – не было. Музыки не было, понимаешь? Но я её слышала – внутри. И – танцевала под неё. В полной тишине...

– Любопытно... А ещё?

– Ещё? – она смотрит на него потемневшими вдруг глазами и подходит вплотную, почти касаясь. Ещё видеть, не поднимая глаз... – Эва опускает глаза и левой рукой обнимает Адама за шею – точно, как...

– Ещё...

– Ещё мне сказали, что я умею главное. То, чему нельзя научить.

– И это?..

– Принадлежать. Я умею – принадлежать. Принадлежать... и не думать о цене... – её слова делаются подвижными и перетекают в танец, в движение, начинают звучать её живот и бедра, ладони, выбившийся, упавший на лоб, локон. – Слышишь, слышишь?

Сам того не замечая, он уже ведёт её и какая разница – куда?

Ведь на расстоянии опущенных ресниц уже непонятно – о ком мечтают глаза...

... – Ты был особенный, не такой, как всегда. Как будто – не со мной.

– Что за ерунда... Какой – не такой?

– Жёсткий, даже грубый. Но мне... понравилось, – усмехнувшись, она легко целует Адама в губы, накидывает свою шёлковую блузку и босиком отправляется в кухню.

– Салат и курица-гриль – подойдёт?

– Ещё как! Ужасно хочу есть. И чего-нибудь выпить, ладно? По-моему, в холодильнике есть бутылка белого вина, да?

– Ну, не к мясу же... Давай лучше потом, с сыром?

– На десерт?

– Нет, милый – она оглядывается на него, улыбаясь. – На десерт у тебя снова – я...

Эва продолжает улыбаться своим мыслям – не ему. В первый раз – не ему.

И у неё – необыкновенно счастливые глаза...

ТРУДНО РАССКАЗЫВАТЬ ПРО СЧАСТЬЕ

Уроки танцев два раза в неделю. И два раза в неделю я с ней танцую, я держу её в руках...

О счастье рассказывать трудно. Но когда я подошёл к Еве впервые, там, в танцевальном зале и – повёл...

Мне показалось – ей нужна защита.

Или я сам себя в этом убедил, потому что...

Кто знает?

Кроме меня – никто.

И причём тут время, если я помню её всю. А больше всего – ту маленькую родинку под левой грудью...

Только вот, что с этим делать? И надо ли?

Я ловлю себя на том, что всё больше и больше становлюсь похожим на людей. Иногда мне кажется, что когда-то раньше – я был одним из них.

Выходит, и на самом деле – по образу и подобию. Точно...

Ведь, если бы не это, разве я смог бы приблизиться к ней настолько?

Сейчас...

– Здравствуй, Ева.

– Ну вот. А разве, мы уже перешли на «ты»?

– Давно. Так давно, что тебе и не снилось. На самом деле, мы были на «ты» всегда, с самого начала.

Попробуй вспомнить.

– Не знаю... Может быть... Может быть, ты мне как раз снился? И поэтому твоё лицо кажется мне таким знакомым?

– Вот видишь. Я же говорю – с самого начала...

– Да, может быть... Да.

– Ну что, начнём?

Почему она всегда краснеет от этого «начнём»?

Я кладу руку ей на талию, чуть ниже. Ева обнимает меня и опускает глаза. Она дышит мне в шею, она дышит так, словно долго бежала и запыхалась. Жарко...

– Успокойся, Ева, успокойся. Мы ведь ещё даже не начали.

– Вот и я думаю, а что же будет, когда начнём?

Я убираю руку и тут же обнимаю её снова. Ева – моя капелька, мой ребёнок, моя душа.

Душа одного отдельно взятого Бога...

Я – веду её...

Танго – странный танец... Кто-то считает, что он родился в Испании, кто-то, что в Африке, под бой там-тамов.

Чушь...

Это было просто – последнее средство.

Удержать её – мою девочку, мою любимую и единственную игрушку, которую так и не удалось забросить под шкаф...

Удержать – не удалось тоже.

Но сейчас я веду её. И какая разница – куда...

– Я боюсь...

– Чего?

– Не чего, а кого.

– Ну... И что же во мне такого... страшного?

– В тебе – ничего. Но рядом с тобой я начинаю бояться себя.

– Это не страх. Ты просто вспоминаешь...

– Что?

– Всё, что было тогда, в самом начале. Гирлянду из розовых лепестков вокруг твоих бёдер, родинку...

– Какую родинку?

– Совсем-совсем крохотную. Под левой грудью.

– Боже мой... Откуда ты знаешь?

– Просто потому, что я знаю всё. Ведь ты танцуешь со мной, а в танце нет секретов.

– А я думала – секреты есть всегда...

– Во всём – кроме. В танго один секрет на двоих.

– Тогда – расскажи...

– Разве ты ещё не поняла? Я был уверен...

– Пожалуйста, я прошу. Я хочу – услышать.

– Да, я понимаю... Но это очень просто. Мужчина говорит: «Я люблю тебя. Ты была, есть и будешь – мой. Я хочу тебя – всегда. Ты принадлежишь мне. Ты – моя женщина.

– Ну, а женщина? Я?

– У неё может быть только один ответ – на всё: «Да, да, да. Я – твоя женщина. Я принадлежу тебе – до конца. Владей...».

– Теперь я знаю. Я поняла.

– Ты поняла – что?

– Почему мне страшно. Оказывается, страх – это всего лишь изнанка страсти.

– Ты всегда путала слова. Путала, путалась и путала меня.

– Путала – тебя? Так, значит, мы...

– Не спрашивай. Ты принадлежишь мне. Ты – моя женщина. Просто моя женщина...

– Да, да, да...

БОГОТВОРИТЬ – ЭТО ПРОСТО

Родил – люби, иначе – зачем?

Мало счастье создать, надо всё время, всегда творить его – после. Бого-творить.

Когда Ева появилась, вылупилась из моих рук, я уже знал, уже понял, что сотворил нечто, действительно божественное, а ещё, что всё самое главное – впереди.

Я лепил и творил её каждый крохотный миг, каждую секунду и как же упорно это было. Учить её словам и смыслом, смеху и слезам – всему.

Но если творить означает – любить, то...

Надо же... А я вот всегда думал, что не умею.

...

– Как хорошо. Ты, всё-таки – пришёл.

– Но ведь ты меня позвала, разве нет? Ты сказала, что это срочно. Как же я мог...

– Это на самом деле срочно, очень. Хотя мы с тобой виделись только вчера и через несколько дней увидимся снова... И вообще, у тебя своя жизнь, о которой я не знаю ничего. Возможно, я помешала. Но я не могла ждать.

– Ну вот, я здесь. Так что же случилось?

– Я просто, наконец, поняла себя. Это было очень долго и – вот...

– Долго – это неважно. Главное, всё-таки – поняла.

– Да. Благодаря тебе. Это ты дал мне ключ, сделал меня такой.

– Хм, верно. А раньше?

– Нет никакого раньше. Всё, что раньше, было ожиданием тебя.

– И ты так спокойно об этом говоришь?

– Нет. Но когда я думаю о тебе... А я думаю о тебе – всё время. И во мне поёт ветер. Я не спокойна, нет. Я просто никогда не жалею о том, что сделала. Или о том, что сделано кем-то. Потому, что верю – ничто не случайно, во всём есть смысл, во всём. И он – прекрасен. Если хочешь, это моя религия.

– Немногие думают так же, как ты.

– Я знаю, но это неважно. Почему ты не предлагаешь мне выпить?

– А ты хочешь?

– Не знаю, наверное. Может быть. Брют.

– Но это ведь обычное недорогое уличное кафе. Откуда здесь брют? И потом, вечер ещё не наступил.

Не рано?

– Ну, хорошо, как скажешь. Как скажешь – всё и всегда...

– Всё и всегда. Иногда это прекрасно...

– Разве – не всегда?

– Хм... Тавтология, забавно... Насколько я знаю, даже *всегда* не длится вечно. Всему рано или поздно приходит конец. Кроме одного-единственного случая.

– Значит, это тот самый случай. Мы – ты и я. Вместе.

– Попробуй меня убедить...

– Ты так говоришь, словно – не веришь.

– Видишь ли, Ева, в моём случае, это слово – «веришь» – звучит странно.

– Почему?

– Значит, ты до сих пор не вспомнила...

– Так подскажи, ну...

– С тех пор, как мы танцуем, я только этим и занимаюсь.

– Ты так говоришь, словно отталкиваешь меня...

– Нет. Это, как в танго, если и делаешь шаг назад, только чтобы через секунду прижаться ещё теснее.

– Но танец заканчивается, а я... Ты нужен мне и потом, после – всё время. Ты научил меня не думать о цене, так протяни руку. Тебе надо, всего лишь, протянуть руку и...

– Взять.

– Да...

– Ты... репительная.

– Только с тобой и для тебя. Ну...

– Ева, я...

– Я уже поняла... И, значит, всё остальное неважно... Не знаю, почему ты... Ты ведь хочешь меня не меньше, я не ошибаюсь, я ведь – женщина. Твоя женщина. Что-то тебе мешает... Впрочем, какая разница.

– Ты права. Во всём. Да.

– Тогда скажи мне – прощай. Если сможешь.

Она обнимает меня за шее и опускает глаза. И дышит так...

А мне не остаётся ничего, только прижать её ещё теснее. И когда её губы раскрываются, я уже не знаю, кто же я на самом деле. Пожалуй – в эту секунду...

– Надо же, моя маленькая Ева, моя собственная вечность, ты – вернулась...

ЛУЧШЕ – НЕТ НА СВЕТЕ

Когда приходит время выбирать, мужчина, чаще всего, оглядывается назад, а женщина, по крайней мере, такая, как Эва, щурится, глядя на солнце и хохочет. Просто – до слёз.

– Ну, почему каждый раз – допоздна? Эва, слышишь? Я к тебе обращаюсь, слышишь?

Она сидит на низкой банкетке в прихожей – только-только вошла – разметающиеся волосы цвета меди, искусанные губы, взгляд – в себя.

Адам опускается на корточки и берет её за плечи.

– Эва! Я с тобой разговариваю...

– Адам, ты знаешь... – она смотрит на него очень ласково и тихо, и – молчит.

– Что? Ну, что?

– Сегодня... понимаешь, мне ужасно захотелось шампанского, мне захотелось – брюта, понимаешь? Вот – ужасно.

– Так ты что, выпила? Да?

– Нет. Нет, не получилось. Его не подают в дешёвых кафе, только в дорогих ресторанах... Но я... – и её взгляд снова уходит в себя, – Зато я танцевала. Это было... ещё лучше. Это было – божественно. И значит – пора выбирать. Почему-то, если божественно, всегда приходится выбирать. Иначе – никак...

...Из ванной – звук льющейся из душа воды, а Адам...

А он вдруг вспоминает свою... девочку, свою малышку, которую не видел уже целых две недели. Не то, чтобы – забыл, но... Он и Эву не видит, ну – почти. Днём она на работе, вечером – танцы эти, танго – милонга... Но о ней он всё время думает, то есть, она у него из головы не идёт, вот в чём дело. Он же видит, не знает, но видит. И не видит – тоже. То ли потому, что так – проще, то ли потому, что боится потерять. Значит, всё-таки – любит? Но, всё равно, выбирать придётся. Рано или поздно – придётся. Она права, иначе – никак. Боже ты мой...

Потом, позже, он, обняв её, засыпает, как ребёнок, услышавший перед сном сказку – спокойный и довольный, а Эва, по прежнему глядя в себя, всё шепчет и шепчет – неслышно:

– Это – божественно, божественно. Лучше этого – нет на свете. И значит – бессмысленно думать о цене. Иначе – никак...

НИКОГДА НЕ ПОЗДНО

Я не вижу её глаз, но знаю, что сейчас они жмурятся от удовольствия. Она лежит на животе, положив голову мне на грудь, и щекочет ресницами. И я – я! – ловлю себя на том, что как никогда остро, ощущаю – вечность.

А она – она смеётся.

– Ева, почему ты смеешься?

– От счастья. Люди обычно смеются от счастья, разве ты не знаешь?

– А счастье – отчего оно?

– От любви, от чего же ещё.

– Тогда – расскажи мне про любовь.

– Но ведь ты знаешь – всё. Почему же ты спрашиваешь?

– Чтобы увидеть её твоими глазами...

– Ну-у-у... Мы называем этим словом столько разных вещей. Привычку, страх потерять. К природе, к животным – тоже любовь...

– А то, что ты сейчас делаешь ресницами, это тоже – к животным?

Она смотрит на меня невинными глазами.

– Может быть, отчасти. По крайней мере, я очень надеюсь...

– Хм... Я хочу тебе сказать... Ты знаешь...

– Ты бубукалка.

Я даже привстаю.

– Как? Как ты сказала? Бубукалка?

- Да. По-моему, очень симпатично и тебе – идёт.
- Тогда... Скажи, а как отличить любовь настоящую от всех остальных?
- Очень просто. Настоящая – это любовь к тебе. Это ты...
- Но ты же меня совсем не знаешь.
- Почему? Я знаю твой ум, твоё тело, твою власть надо мной. И ещё – ты меня называешь Евой. Мне нравится.
- Ты по-прежнему ужасно легкомысленна...
- Это из-за тебя. И раньше и сейчас – всегда. У меня лёгкие мысли. Я и сама удивляюсь, как такое может быть.
- Может, девочка моя. Может быть – всё. Абсолютно всё.
- Это – правда?
- Конечно, как же может быть иначе?
- А если так, тогда... Скажи, ты можешь взять меня к себе?
- Нет.
- Почему? Нам же вместе так...
- Нет.
- Я буду исполнять любые твои желания...
- Нет.
- Я буду угадывать их раньше, чем ты сам осознаешь их...
- Нет.
- Но ведь мы так долго шли друг к другу, слишком долго. Невозможно оставить меня просто так – ты и сам понимаешь, правда? Ну, скажи, скажи – чего хочешь ты?
- Чтобы ты продолжала жить, как прежде. Со своей семьей, со своим мужем, в тепле и неге. Жила, умирала и снова – жила. Так же, как это было всегда, с начала времён.
- Тогда – какой же смысл?..
- Я хочу от тебя сына.
- Что? Что ты сказал?
- Ева, я хочу этого больше всего. Роди мне сына, как ты рожала всем остальным – всегда.
- Но – почему?
- Видишь ли, я знаю про тебя всё. Самой счастливой ты бывала всегда сразу после родов. И я хочу, чтобы ты испытала это счастье со мной. И чтобы оно оставалось с тобой – всегда.
- Нет. Теперь я говорю тебе – нет.
- Но – почему?
- Ты не знаешь людей. Быть твоим сыном – значит страдать. Они обязательно его погубят именно для того, чтобы обожествить – потом.

...Мы лежим в постели до первых лучей солнца. Я нежу её так, как умею только я.

Потому, что тысячелетия ожидания – до и вечность – после.

Та – которая свет. А ещё...

– Знаешь, что? Если, всё-таки, будет мальчик – назовём его...

СЫН БОЖИЙ

Ребёнок закричал. Не закричал даже, а ойкнул и открыл глаза.

– Ну, вот вам и мальчик – сказала акушерка. – Ишь, какой красавчик получился. Беленький – словно ангелок.

Она положила младенца матери на грудь и ободряюще кивнула. Потом повернулась к помощнице:

– Надо выйти, отцу сказать. Такой нервный папаша попался, из угла в угол ходит, остановиться не может. Волнуется. Так вы передайте, что и жена, и сын в полном порядке. Скоро увидит.

Малыш лежал у матери спокойно, видно присматривался. Та обняла его бережно, осторожно прижала к себе, измученно улыбнулась.

И умерла.

То есть, она не сразу умерла. Сначала была суматоха, кто-то закричал, что ей плохо, она не дышит. Младенца схватили быстрые, ловкие руки и положили в маленький домик на колесиках.

Прибежала команда оживителей.

Шок, адреналин, тромб.

Через двадцать минут суеты всё было кончено.

Позвали мужа. И кто сказал, что мужчины не плачут?

Адам заплакал.

Эву накрыли простынёй и увезли.

И сын остался один на один с людьми...